

УДК 882(092)А
+1+929

ИДЕИ Ф. НИЦШЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. АНДРЕЕВА

Мамай Н.Н., аспирант

Запорожский государственный университет

Почти в каждом произведении Л. Андреева можно увидеть, что у писателя вызывает резкое отрицание все низменное и непросветленное в человеке, все несовершенное и несправедливое в окружающей действительности. Поэтому, видя смысл жизни в служении людям и стремясь к утверждению красивой, яркой и свободной жизни как смысла человеческого существования, художник верит, что победит то, что находится в союзе с жизнью и оправдывает её: “Остается только то, что полезно для жизни; все вредное для нее рано или поздно гибнет. . . Пусть сегодня оно стоит несокрушимой стеной, о которую в бесплодной борьбе разбиваются лбы благороднейших людей,— завтра оно падет! Падет, ибо оно вздумало задержать самую жизнь” [цит. по 3, 161].

Эта мысль писателя созвучна идее Ф. Ницше, который проповедовал любовь к жизни с ее болью и страданиями, поскольку лишь пройдя через них человек благословляет жизнь. Идеей непринятия мира и борьбы за мир идеальный, в центре которого стоит свободный, физически и духовно совершенный человек, Л. Андреев также восходит к философии Ф. Ницше, которая в этом отношении близка основной тенденции творчества художника.

На связь творчества писателя с философией Ф. Ницше указывали многие его современники, особенно после выхода “Рассказа о Сергее Петровиче” – рассказа о “ницшеанце”, по выражению Л. Андреева. Так, в феврале 1904г. доктором философии М. В. Безобразовой в Историческом музее в Москве была прочитана лекция “Ницше и Андреев”.

Наибольшее внимание вопросу о связи идейного содержания произведений писателя с философией Ф. Ницше в дореволюционной критике уделили В. В. Брусянин и М. А. Рейснер.

В. В. Брусянин пишет, что отрицанием “всех реальных и мнимых поработителей человеческого “я” [4, 91], стремлением к освобождению человека от всех правил, Л. Андреев идет в плоскости идей Ф. Ницше и призывает в сторону будущего сверхчеловека.

М.А.Рейснер, видя в творчестве Л. Андреева воплощение социальной идеологии индивидуализма, считает, что индивидуализм сменяется фатализмом, который через субъективизм приходит к безграничному скепсису и пессимизму. Но благодаря философии Ф. Ницше, которую Л. Андреев воспринял, не принимая ницшеанство в его социальных выводах: с идеалом аристократии, где над массами кули властвует сверхчеловек, писатель находит выход из беспросветного отчаяния. “Нарисовав нам самыми отчаянными мрачными чертами жизнь человека, он противопоставил ему великолепного сверхчеловека,— пишет исследователь,— и тем сохранил нам надежду на лучшее будущее” [15,88].

Современные исследователи – М.В.Моклица и Е.А.Михеичева также указывали на связь андреевских героев со сверхчеловеком Ф. Ницше. Но, отмечая, что Л. Андреев идет не за пессимизмом Шопенгауэра и Гартмана, а за Ф. Ницше, который повернул эту проблему к позитивному решению, Е.А.Михеичева считает, что писатель не утверждает, а разоблачает идею сверхчеловека, поскольку он, провозглашая любовь к людям будущего, с любовью и состраданием относится к ныне живущим, обыкновенным людям, сочетающим достоинства и пороки [12,59].

М.В.Моклица, утверждая, что связь творчества Л. Андреева с философией Ф. Ницше просматривается на многих уровнях, видит истоки художественного метода писателя в творчестве Ф. Ницше, так как Л. Андреев заимствует у него именно те качества, из которых конструируется импрессионизм [13,60].

Нас в творчестве Л. Андреева в связи с философией Ф. Ницше интересует, прежде всего, идея неприятия мира и индивидуалистического бунта, которые появляются уже в ранних произведениях писателя и эволюционируют на протяжении всего творчества, выражая авторское отношение к миру.

Писатель неоднократно говорил о неприятии существующего несовершенного мироустройства и лживости его ценностей, утверждая необходимость борьбы с темными сторонами жизни: “... насколько мне известно, все творцы ценностей отвергали мир и в борьбе за мир идеальный медленно, но твердо

совершенствовали человеческую жизнь. Неприемлющие мир, это – вечные герои человечества, на свои рамена поднимающие бремена неудобноносимые, гибнущие во имя жизни и блага других. И можно сказать с некоторой резкостью, что человек начинается там, где начинается неприятие мира “[10,555], что близко идее Ф. Ницше о переоценке всех ценностей (“не существует вовсе никаких моральных фактов. Моральное суждение имеет то общее с религиозным, что верит в реальности, не являющиеся таковыми” [14, т.2, 585]; “нет никакого “Бога”, никакого “грешника”, никакого “Спасителя”...” “свободная воля”, “нравственный миропорядок” есть ложь” [14, т.2, 662]). В приведенных словах писателя, на наш взгляд, наиболее ярко выражен его идеал “сверхчеловека”. Но этот идеал более близок к романтической концепции героической личности, а не к сверхчеловеку Ф. Ницше, поскольку в андреевском “сверхчеловеке” самым ценным является духовное содержание, любовь и сострадание к жалкому человеку, побуждающие к борьбе за его счастье, а не эгоистическое самоутверждение с презрением к слабому (“И чего я хочу, они не имели бы право хотеть!” [14, т.1, 91]; “Лучшее принадлежит моим и мне, и если не дадут нам его, сами его берём” [14, т.1, 206]).

В этом отношении герои – индивидуалисты Л. Андреева выражают тенденцию развития индивидуалистического мировоззрения начала века, когда происходил переход от индивидуализма уединённого, замкнутого, обособленного к индивидуализму соборному, в котором личность, индивидуальность также выдвигалась на первый план, но говорилось уже не о собственной индивидуальности, а об индивидуальности всех, и для развития и сохранения индивидуальности считалось необходимым не обособление и отчуждение её от других “я”, а живое общение с миром.

Кризис эгоистического индивидуализма, приводящий к самообожествлению и разрушению личности, писатель наиболее ярко выразил в философии доктора Керженцева (“Мысль”). Другой тип индивидуализма, когда “я” личности усиливается через отречение от “я” в любви к другим людям, воплощают герои многих произведений Л. Андреева: “Жизнь Василия Фивейского”, “Рассказ о семи повешенных”, “К звёздам”, “Анатэма”, “Дневник Сатаны” и др..

Идея неприятия мира у Л. Андреева неразрывно связана с идеей бунта против существующего мироустройства, который зачастую носит безнадёжный характер (“Жизнь Василия Фивейского”, “Жизнь Человека”, “Савва “и др.), на что указывали и многие критики: Т. Ганжулевич [6, 27], Л.С. Козловский [9, 251], В.Л. Львов-Рогачевский [11, 210], М.Я. Ермакова [8, 232] и др.. Это во многом обусловлено трагическим мироощущением писателя. Но наряду с безысходностью борьбы с метафизическими законами мироздания, андреевским героям присущ духовный максимализм, превращающий жалкого человека, сгибающегося под ударами судьбы, в титана, ведущего героическую борьбу со слепым роком, умирающего, но не побеждённого духовно. Бунт героя заранее предрешен, так как силы не равны, но его гибель является не только утверждением борьбы, поскольку, по выражению автора, происходит “от разума, от силы и воли” [1, 5], но и утверждением жизни, того светлого идеала, ради которого герой борется со злыми надмирными силами, в чём бы и как ни проявлялось их действие.

В этом отношении трагедия андреевских героев близка пониманию трагедии Ф. Ницше, когда человек, обречённый необходимостью видеть зло и несовершенство мира, “в то же время стремится куда – то за пределы видимого” [14, т.1, 153], и победа его нестигаемого духа – “стремление в Бесконечное, ... взмах крыльев тоскующей души” [14, т.1, 154].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Н. Ответ на анкету о самоубийцах // Новое слово – 1912. – № 6. – С. 4 – 5.
2. Андреев Л.Н. Собрание сочинений в 6 т. – М.: Художественная литература, 1990 – 1996.
3. Блок А.А. О драме // Блок А.А. О литературе. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 140 – 161.
4. Брусянин В.В. Леонид Андреев: Жизнь и творчество. – М.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1912. – 128с.
5. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
6. Ганжулевич Т. Русская жизнь и её течения в творчестве Леонида Андреева. – С. – П.: Издательское бюро, 1908. – 124с.
7. Гофман М. Соборный индивидуализм: Религиозно-философский очерк. – С. – П.: Кружок молодых, 1907. – 116с.
8. Ермакова М. Я. Романы Достоевского и творческие искания в русской литературе XX века (Л. Андреев, М. Горький): Дис... доктора филол. наук: 10.01.01. – Горький – Москва, 1973. – 440с.
9. Леонид Андреев Л. С. Козловского // Русская литература XX века (1890 – 1910) под ред. С.А. Венгерова. – М.: Мир. – Т.1 – Кн.6. – 1914 – С. 251 – 280.

10. Литературное наследство. – М.: Наука. – Т. 72 : Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. – 1965. – 632с.
11. Львов – Рогачевский В. Л. Две правды: Книга о Леониде Андрееве. – С.– П.: Прометей, 1914.– 236с.
12. Михеичева Е. А. Творчество Леонида Андреева в контексте русской литературы начала XX века: Учебное пособие по спецкурсу.– Орёл: ОГПИ, 1993.– 98 с.
13. Моклица М. В. Л.Андреев и Ф.Ницше: к истокам метода//Эстетика диссонансов: Межвуз. сб. научн. тр.. – Орёл: ОГПИ – 1996.– С.60.
14. Ницше Ф. Сочинения в 2 т.. – М.: Мысль, 1990. – Т.1. – 832 с., Т.2. – 830 с.
15. Рейснер М. А. Леонид Андреев и его социальная идеология: Опыт социологической критики. – С.– П.:Посев, 1902. – 152с.